Елена.-С.-Пб.-1995.- Библ. с.5.

Евангелие от Стуруа

ПОМНИТСЯ, как Грузинский государственный академический театр имени Шота Руставели приезжал к нам 13 лет назад, осенью. Студенты Театрального института побросали тогда вещи в волюшу, вскопали вилы в земле и убежали отогреваться "солнечными" спектаклями Роберта Стуруа. Нынешние гастроли тбилисцев в БДТ прошли спокойно, без восторгов, но, конечно, напомнили те времена. И хотя "солнца" в спектаклях поубавилось, но сыграны они были тем, что большая часть публики вовсе не включала устройства для синхронного перевода.

ДАЖЕ в спектакле "Евангелие от Якова", основанном на слове и посвящением слову, Роберт Стуруа воспользовался цветом и звуками, чтобы осуществить фантазию на тему грузинской азбуки по мотивам "Деда Эла" Якова Гогебашвили.

Буквы грузинского алфавита, беспорядочно нанесенные на черные доски в самой глубине сцены, напомнили потемневшие образа в сельской часовне. Светлый туман заклубился под ними, обволакивая людей, распространяя вонь, терзавшее ждущих минуты пробуждения. Распустились засохшие веточки, и в тишине прозвучала первая буква всех алфавитов, прабуква. Она возникла из "вгуськы" ребенка, отозвалась стоном раненого и, скользнув над головами лежащих, прозвучала, наконец, как сладострастный выдох. Простейший звук нашел воплощение в первом слове, количество слов увеличилось. Игра слов переплелась с игрой смыслов, и язык, шестивший уже десятки тысяч образов, окреп. Постепенно возникли благодаря языку какие-то формы организации народа: он строится попарно, отдает и исполняет команды, он расслаивается. Его уже можно поучить, а если народ не внимает наукам, можно сечь его. Режиссер Роберт Стуруа, художник **Мириан Шавдатия** и **Георгий Алексич-Месхишвили** в своем "Евангелии" предлагают зрителям краткую историю народа, познающего себя в слове. Язык сделал народ великим, возвысил и поселил соотнестись в молитве с Господом Богом. Дойел до высшей формы общения, исключающей слова.

Но народ состоит из отдельных, разных людей, и намерения их схожи. Об этом - другой спектакль театра - "Добрый человек из Сычуани" по пьесе Бертольта Брехта.

Боги в одеждах сельских священников, с пастушескими сумками через плечо, спустились на маленьком лифте к маленьким веселым лачугам из желтого тростника. Дела на земле Китая так плохи, что у "Всеблагого" - Джамала Гаганидзе, "Всемилостивого" - Иракия Мачарашвили и "Всеведущего" - Давида Папушвили возникло желание с жизнью на земле покончить. Люди в спектакле Стуруа пугают своим несовершенством: едва поднявшись с колен, они начинают "разбираться", обманывать, воровать и драться. Единственный добрый человек, повстречавшийся Богам в провинции Сычуань - девушка легкого поведения Шен Те - Нино Касрадзе. Боги благословили ее, наняли на ночлег вульгарной доямы белоснежную цаль. И она отмаливала Богами, стала Ангелом Сычуани. Стала являться прохожим - в размытом фиолетовом пятне сцены - четкой, словно пером нарисованной черной фигурой под красивым черным зонтом. Двойником Шен Те становится злобная Шуй Та. Стилизованное кимоно Шен Те оказывается черной фрачной парой Шуй Та, но в этом спектакле некому крикнуть: "Тень, знай свое место!"

Оборотная, черная сторона человека становится его единственной стороной. Лицемерие, зависть, злопамятство и уныние вполне складывают провинцией Сычуань. И сельские Боги, удостоверившись, что во вверенном им несовершенном мире доброта может существовать лишь как догадка, легенда или предположение, покидают свою паству. "Нет правды на земле, но правды нет и выше", а люди смешны и потому, видимо, достойны жалости.

Или не достойны? Ответственны по облаям за то, что ветер гонит их вперед-вперед? Как быть с ответственностью человека и, следовательно, его трагической виной?

Эти главные вопросы занимали тбилисский театр и в давние времена. Устойчивая структура драматургии для особенно интересовала Роберта Стуруа. Поэтому в прежних шекспировских спектаклях театра молодая, бравая, дебютирующая зло одерживало верх над злом многоопытным, одряхлевшим и даже смешным. Сейчас, в последней премьере театра, в "Макбете", который увидели в Петербурге, вопрос о добре и зле Робертом Стуруа снимается. И мрачный Макбет - Заза Папушвили - устало отмахивается от жалких ведьм, потому что их пророчества указывают на ту дорогу, которая уже прочерчена в его намерениях. И на маленький, предназначенный плюшевый диванчик, изображающий трон, оказывается настоящей целью Макбета: цели его всегда не имеют реальных земных воплощений. Он честен и упрямо множит горы трупов, подбрасывая уголька и в топку истории, и в гекриле трагедии, не стараясь понять, для чего и кому это нужно. Не зная, что расчищает место для сыновей Банко. Действия происходит в стилизованной кочегарке в закопченных стенами, поваренным краном и бочкой с песком. И под сионом общирной преисподней висит огромный, забрызганный кровью целлофановый пакет. После каждого убийства он потрескивает, наполняясь новой кровью. Зла нет, как нет и добра в общепринятом смысле слова. Потому что истинные результаты любых усилий человеков, недоступны им царям, им бродягам. Люди совершают назначенную работу, заботясь разве что о цене, которая может быть уплачена за их труд. Или не заботясь. Тогда они становятся "говорящими кусками мяса", которые бродят в "гнилостно-дырявом мире" своих намерений и цепятся друг в друга из трехлинеек. Сетуя на то, что Создателю нет до них дела...

Мир сложен в спектаклях Стуруа. Они населены людьми и массами людей. И именно поэтому во всяком спектакле режиссера неизбежно возникает как сложный и затейливый узор очередное доказательство бытия Бога. В Благовествованиях от Матфея, от Луки, да и "от Якова" сказано: "Живи просто, не гордись, избегай соблазна. В поте лица добывай хлеб свой".

А если хочешь жить иначе, знай, что и на тебя найдется Шуй Та с плетью или Макбет с обрезом. Есть в работах Стуруа менее загадки, которая звучит как предположение о возможных взаимоотношениях Человека и Бога. Но о ней можно будет говорить, видимо, в связи с другими, будущими спектаклями театра, которые мы, возможно, когда-нибудь еще увидим.

Игорь ЕВСЕЕВ